

вание на территории Дагестана следует связывать с более ранними периодами. Уже в памятниках, датируемых II тысячелетием до н. э. (Каякентское поселение)³, были найдены кремневые вкладыши для серпа. Правда, эти памятники обнаружены в плоскостной части Дагестана, но если принять во внимание, что археологами установлена однотипность культуры древних жителей плоскости и гор (каякентско-хороцевская культура), остается предположить наличие кремневых серпов и у предков хновцев. О распространении же у горцев Дагестана серпов в более поздний период свидетельствуют материалы ряда раскопок советских археологов⁴.

В статье М. М. Ихилова нечетко проведены параллели с культурой лезгин и рутульцев (хновцы являются частью последних) (стр. 281, 282, 284). Некоторые обряды, приписываемые только хновцам (напр., обычай провода невесты в дом жениха с зажженной лампой), как известно, существуют и у других рутульцев, а также у лезгин. Во многих местах автор упоминает, что хновцы имеют отличительные черты в культуре и быту, но в чем эти черты выражаются, для читателя остается неясным. На стр. 281, описывая одежду хновцев, М. М. Ихлов заявляет, что она «мало чем отличается от общерутульской и лезгинской». Далее следует перечисление составных элементов комплекса мужской и женской одежды. То же самое можно сказать и о жилище (стр. 280). В типах домов и планировке селения автор прослеживает главным образом черты, общие с остальными рутульцами, забывая о другой задаче своего исследования — выявлении специфики в материальной культуре, в частности в жилище, хновцев.

Трудно согласиться с не аргументированным положением автора о том, что одноэтажный дом с верандой заимствован хновцами из Азербайджана. Хорошо известно, что подобные дома встречаются у многих народов Дагестана — аварцев, кумыков, лезгин и др. Вряд ли их возникновение следует связывать только с азербайджанским влиянием.

Нельзя не упрекнуть издательство за обилие опечаток и неряшливость издания. Например, в статье М. М. Ихилова арабский халиф датируется «XII—X вв.» (вместо VII—X вв.); исторический период, когда хновцы находились в политическом и экономической зависимости от рутульских беков, определяется XVI—XII вв. (вместо XVI—XVII вв.). Статья П. М. Дебирова «О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев» в оглавлении значится под другим названием, а именно: «Резные камни в народно-декоративном искусстве аварцев». В статье Р. Г. Маршаева перепутаны даты: вместо 1396 г. значится год 1936 (стр. 171). О недостаточной тщательности редактировании свидетельствуют, например, следующие фразы: «Овцы давали населению молоко, мясо, сыр, масло, овчину, шерсть. Последние использовались на изготовление одежды и ковров» (стр. 279) или «Основной хозяйственной единицей у хновцев... составляла малая семья» (стр. 282).

Эти недочеты особенно досадны, потому что рецензируемый том «Ученых записок» является вкладом в историческую науку, дает представление о большой работе, проводимой в институте, и, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных отраслей знаний.

Г. Сергеева

С. Ш. Гаджиева. *Материальная культура кумыков XIX—XX вв.* Махачкала, 1960, 169 стр.

За последние годы усилиями советских этнографов создан ряд работ по этнографии Дагестана, позволяющих более глубоко и всесторонне изучить богатейшую материальную и духовную культуру этой многонациональной и многоязычной «Страны гор».

В предисловии к вышедшему в 1955 г. научно-популярному сборнику «Народы Дагестана» говорится о предстоящем выпуске специальных исследований по отдельным народностям Дагестана. Одним из таких исследований и является работа С. Ш. Гаджиевой «Материальная культура кумыков XIX—XX вв.» — работа очень нужная, так как сведения о кумыках в литературе скудны.

В книге С. Ш. Гаджиевой широко использованы документальные материалы Центрального государственного архива Дагестанской АССР, Центрального государственного военно-исторического архива, фонды местных музеев, произведения дореволюционных и советских авторов, периодическая печать, рассказы и воспоминания старожилов. Но основным источником автор справедливо называет «самые предметы материальной культуры: орудия производства, жилища и иные постройки, одежду, посуду, утварь и т. д., сохранившиеся до наших дней».

Книга содержит большой полевой материал, чему немало способствовало знание автором языка, быта и обычаев кумыков. В ней последовательно освещаются основные элементы материальной культуры, что видно уже из названия глав: 1. Поселение; 2. Жи-

³ См.: А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, стр. 131.

⁴ Неопубликованные материалы Д. М. Атаева (Бежитинская экспедиция Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1959).

лище; 3. Одежда; 4. Пища. Во введении дан общий очерк хозяйства кумыков в XIX—XX вв.

Работа носит серьезный, исследовательский характер. Автор не только описывает, но и критически осмысливает факты, привлекая большой сравнительный материал. На конкретных примерах показано положительное значение культурного влияния русских на кумыков. Мы узнаем о появлении здесь в середине XIX в. железного плуга, улучшении обработки земли, выращивании новых сельскохозяйственных культур — картофеля, свеклы, помидоров, усовершенствовании оросительной системы, росте городов, развитии торговых связей и т. д. Строительство в 1890-х годах железной дороги между Ростовом и Баку, в особенности ее Петровской ветки, которая проходила от самой границы Хасавюртовского района до р. Самур, способствовало втягиванию кумыков в сферу хозяйства России, ускорению развития экономики кумыков, особенно их засулакских районов.

Заслугой автора является обстоятельная характеристика конкретных живых черт социалистического преобразования жизни и быта кумыков. Создаваемая на протяжении веков материальная культура кумыков получила в советское время все возможности для своего дальнейшего развития на новой основе. Успехи социалистического строительства в СССР обеспечили невиданный подъем материального благосостояния и культуры всех народов страны, в том числе и кумыков, внесли крупнейшие изменения в их быт. Это убедительно и ярко показано в работе С. Ш. Гаджиевой.

В первой главе автором дается характеристика кумыкских селений. В период феодализма им была свойственна бессистемная планировка, большая скученность. В каждом селении имелась главная улица, от которой в разные стороны расходились маленькие кривые улочки и переулки. На главной улице выделялось здание джума-мечети и были расположены дома богачей. Наблюдалась односторонняя застройка улиц жилыми домами.

Автор показывает постепенное изменение облика кумыкских селений, их перепланировку, правильно связывая это с развитием общественно-экономических отношений. С проникновением капитализма появляются двухэтажные дома купцов с большими окнами, балконами и остекленными галереями, складываются особые торговые кварталы; торговые помещения строят на русский лад. Возникают параллельные улицы. Крупные изменения в характере сельского строительства произошли в советское время. Центром общественной жизни становятся те кварталы, где сосредоточены административные и культурно-просветительные учреждения. Жители густонаселенных старых кварталов переселяются на новые улицы. Новостройки располагаются на более низких местах, где легче осуществлять водоснабжение и озеленение.

В этой же главе поднят вопрос о возникновении кумыкских селений, вопрос сложный, связанный с этногенезом кумыков, для решения которого требуются дальнейшие исследования. Приводимые автором предания о возникновении с. Башлы, с. Алхаджикент и другие предания, в которых фигурируют «1000 белых лошадей, слепых на один глаз», «чучело на трех ногах в широких женских штанах», не вносят ясности и лишь утяжеляют главу. Часть селений, как указывает автор, была создана переселенцами с гор. Расположение селений в труднодоступных горных местах, при наличии рядом низменности, правильно объясняется потребностью обороны от набегов врагов. Можно лишь добавить, что в Дагестане, испытывавшем большой земельный голод, это вызывалось и необходимостью сохранить плодородные земли низменной части поляны.

Глава о жилище — наиболее интересная в книге. Автор показывает жилище кумыков в развитии от простого однокамерного до современного многокомнатного дома, связывая этот процесс с развитием экономики и общественных отношений. В работе дана характеристика двух древнейших типов жилья. Первый — «алачыкъ» — представлял собой сплетенное из прутьев сооружение цилиндрической формы с конической крышей, напоминающее войлочную юрту кочевников; второй — «тавчуй» — простейший однокомнатный дом без окон, с очагом-костром посередине.

К сожалению, жилище типа алачыкъ не исследовано в достаточной степени, не выявлены границы его распространения; в XIX и начале XX в. оно было у кумыков как хозяйственное помещение. Автор лишь упоминает о «данных фольклора», называющих алачыкъ жилищем кумыков, но не приводит этих данных и не указывает источников. Имеется основание предполагать, что алачыкъ было древним жилищем лишь засулакских кумыков и не типично для южных кумыкских районов.

Непонятно, почему автор рассматривает саманное четырехугольное жилище с обычной плоской крышей как дальнейшую эволюцию алачыкъ, а не как самостоятельный тип строения.

У южных кумыков, селения которых расположены в возвышенной местности, более древним было, очевидно, жилище типа тавчуй, характерное и для других горцев Дагестана, тогда как засулакские кумыки не знают такого типа сооружений.

Конечно, изрезанность рельефа, подобная которой едва ли существует в другой стране мира, породила множество вариантов форм жилья, но лишь вариантов: древнейший тип один — обширная комната, служившая жильем большой семьи.

Описание тавчуь (тавча уьй — комната, построенная по-горски, горская комната) дается в работе не совсем ясно. На стр. 58 автор пишет: «Такой дом состоял из одной большой комнаты, которая тонкой перегородкой была разделена на две части: «тавчу» и «тачу вышаны» (г. е. наружная сторона «тавчу»). Перегородка шла до потолка. Ее

обычно делали из хвороста и обмазывали глиной...» В данном случае речь идет об одной комнате. А под рис. 9 на стр. 57, изображающим план этого дома, читаем: «План тавчу с пристройкой», т. е. имеется и комната, и пристройка. Что же представляет собой вторая половина: часть старинного однокомнатного дома или более позднюю пристройку к нему? Вернее всего, последнее. Очевидно, в прошлом ни перегородки, ни пристройки не существовало. Вся жизнь семьи проходила в большой комнате с очагом посередине (к сожалению, автор не указывает хотя бы приблизительные ее размеры). И лишь впоследствии в домах состоятельных семейств была выделена перегородкой или пристройкой вторая комната.

Тавчу тышаны характеризовалась лучшим убранством, чистотой, дым костра сюда не проникал, и она могла быть использована для приема гостей. О более позднем появлении тавчу тышаны говорит и указанная автором разница в уровне полов: в очаговой половине пол был на 20—25 см выше.

Вопрос об освещении тавчуш автор излагает противоречиво. Так, на стр. 58 говорится: «Окон в помещении не было, днем свет проникал через отверстие в крыше и через наружный вход». А несколькими строками выше читаем: «Перегородка... прикрывала сидящих у окна и защищала их от внезапного нападения».

Автор показывает большие прогрессивные изменения в жилище кумыков, происшедшие в советскую эпоху: дома стали многокомнатными, плоская земляная кровля сменяется двускатной железной и черепичной крышей; появились высокие потолки; повсеместное распространение получили большие остекленные окна; получила развитие отопительная система — от серединных очагов-костров без дымоходов до печей различных конструкций, как комнатных, так и надворных.

В книге сделана попытка показать положительный опыт строительства жилищ. По своей конструкции жилище все больше приближается к новому типу, свойственному современной сельской архитектуре. При этом удачно применяются национальные элементы декора (украшение деревянных частей дома — балоков, столбов, дверей, ставен, ворот резным орнаментом, резьба по камню, лепка по глине и т. д.). Изучение опыта народных мастеров в связи с развернувшимся после XX съезда КПСС жилищным строительством приобретает большое значение.

Глава «Одежда» — единственная пока в литературе попытка исследования одежды кумыков, причем автор подробно останавливается не только на самих предметах одежды, обуви, оружия и украшений, но подвергает рассмотрению и материал, из которого они изготавливаются. Со знанием дела автор говорит о производстве тканей, обработке овчины, окраске и т. д. Уже в XIX в. привозные ткани фабричного производства начали вытеснять ткани домашнего изготовления. Но гордская одежда была доступна только зажиточным людям. В настоящее время широкое распространение получила современная одежда — белье и верхнее платье, изготовленные на фабриках и в артелях.

Большие изменения произошли в питании кумыков. Наряду с мясной и молочной, широкое распространение получила растительная пища. Увеличилось потребление фруктов и овощей, стали более совершенными способы их заготовки впрок. Гастрономические и бакалейные товары, ранее не являвшиеся предметами народного потребления, также получили широкое распространение. Изменились кухонная утварь и сервировка стола.

Автор показывает, что сходство исторических судеб кумыков и других народностей Дагестана, их древние этнические, культурные и исторические связи определили и сходство их материальной культуры. Но вместе с тем элементы своего, присущего лишь кумыкам сохранились и в какой-то мере сохраняются и сейчас.

В целом рецензируемая работа представляет собой весьма ценное исследование по этнографии одной из народностей Северного Кавказа — кумыков и значительно расширяет наши знания о народах Дагестана.

М. Кургузова

Х. М. Х а л и л о в. *Лакский песенный фольклор*. Махачкала, 1959, 152 стр.

Памятники богатого народно-поэтического творчества горцев Кавказа начали записывать и издавать с 70-х годов прошлого столетия. В этом отношении особенно повезло нартским эпическим сказаниям, известным не только у всех горцев Северного Кавказа, но также у абхазцев, сванов, рачинцев и др.

На собрание и издание памятников песенного творчества горцев Кавказа обращалось мало внимания. Между тем, они представляют не меньший этнографический интерес, чем нартский эпос. Многие историко-бытовые и обрядовые песни также существуют у некоторых горских народностей, что облегчает историко-этнографический анализ этих песен. Нельзя, например, плодотворно изучать абхазские обряды и песни о человеке, пораженном молнией, не привлекая аналогичный материал осетин, или исследовать осетинские исторические песни, связанные с переселением горцев в Турцию в 1860-х годах, не зная их адыгейских, карачаево-балкарских, кабардинских, чеченских и других вариантов.